

бинѣ же души Аксинья была рада смерти Петра“, потому что въ его отсутствіе она измѣнила ему съ приказчикомъ и приказчикъ теперь можетъ взять ее замужъ, какъ и говорилъ ей, когда склонялъ ее къ любви...

Эта „глубина души“, какъ никому, доступна Толстому, и Толстого не обманешь. Подъ пристальнымъ взглядомъ правды и правдолюбца съ жизни спадаютъ ея мишурныя, искусственныя одежды, и она является въ своей природной наготѣ. Но только великій писатель убѣдилъ насъ, что послѣдняя не безобразна. Въ этомъ и заключается одна изъ самыхъ знаменательныхъ и радостныхъ его особенностей. Ему не нужно „возвышающаго обмана“, потому что правда—за насъ, а не противъ насъ. Суровымъ мечемъ истины разсѣкая призраки и обманы, онъ этимъ только возвеличилъ дѣйствительность.

Въ самомъ дѣлѣ. Для Толстого такъ характерно разжалованіе героя. Вспомнимъ, что онъ сдѣлалъ съ Наполеономъ, какъ безжалостно разрушилъ воздушный корабль по синимъ волнамъ океана и всѣ эти красивыя сказки—въ двѣнадцать часовъ по ночамъ. Горе той легендѣ, къ которой приближается Толстой, но зато счастье правдѣ! Это видно и на „Хаджи-Муратѣ“. Непримирымъ горецъ написанъ, можетъ быть, не очень рельефно, и не столько чувствуешь непосредственно его исключительность, сколько узнаешь о ней по его автобіографіи и по разговорамъ другихъ дѣйствующихъ лицъ. Но это происходитъ,